

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Марине Васильевны Куцаевой
«Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона»
(Москва, 2018),

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности

10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки)» и

10.02.19 – «Теория языка»

Диссертация М.В. Куцаевой «Функционирование чувашского языка в диаспоре Московского региона» посвящена описанию и анализу ситуации чувашского языка в Москве и Московской области. Данная работа вписывается в проблематику языкового и этнокультурного разнообразия урбанизированных пространств, в рамках которых непосредственно контактируют языки различных социолингвистических типов, среди которых все большее внимание исследователей привлекают языки миграции. Такой интерес не случаен. Он обусловлен высоким ростом разнообразных миграционных процессов, наблюдаемых в последние десятилетия. Работа Марины Васильевны тем более интересна, что она сосредоточена на изучении ситуации автохтонного языка Российской Федерации в условиях диаспоры или экстерриториального (вне титульной республики) бытования, то есть на лингвистической составляющей внутренней миграции. Следовательно, работа напрямую связана с проблемой сохранения языкового и культурного разнообразия России и витальности автохтонных миноритарных языков или языков в миноритарной ситуации, **актуальность** которого несомненна.

Социолингвистический статус чувашского языка весьма интересен: наряду с русским он является государственным языком Чувашской Республики и как таковой пользуется серьезной государственной поддержкой, хотя лингвистическую ситуацию в Республике следует характеризовать как

билингвальную. В московском же регионе его положение безусловно, может быть квалифицировано как миноритарное. Конфигурация такого типа не единственна для РФ, однако, случай каждого языка уникален по набору действующих факторов, выявление и описание которых представляется крайне важной задачей. Актуальными и необходимыми являются также коррелирующие описания языковых ситуаций в республиках (в настоящей работе это Чувашия) и в местах проживания этнических чувашей вне ее. В этом смысле Московский регион представляет особый интерес в силу особой экономической притягательности в процессах внутренней миграции. Насколько нам известно, фундаментальных работ, посвященных описанию функционирования автохтонных национальных языков в условиях внутренней диаспоры, не было. В этом смысле работа предстает как **новаторская**, а методика, предложенная автором, могла бы лечь в основу описания ситуации и функционирования иных языков в условиях внутренней миграции.

Никакая типология или таксономия не может быть составлена без тщательного, скрупулезного сбора эмпирических данных. Честное и достоверное описание языковой ситуации – залог успеха как теоретических построений, так и грамотной и успешной языковой политики и языкового строительства. Работа автора настоящей диссертации по первичному сбору материала огромна и достойна самой высокой оценки. Приведенные в диссертации данные (как статистические, так и фрагменты интервью) могут послужить базой дальнейших размышлений как для самого автора, так и для других исследователей данной проблематики. Именно высокое качество и достоверность эмпирического материала позволили М.В. Куцаевой прийти к теоретически весомым и ценным заключением и обобщениям.

Работы подобного типа не могут не быть междисциплинарными. **Методология исследования** такого объекта как функционирование этнического языка в условиях диаспоры предполагает обращение к таким сферам знания как теория языка, частное языкознание, социолингвистика, этнология и др. Автор диссертации в полной мере понимает сложность поставленной задачи. Неслучайно в методологической базе исследования выделяются разные отрасли гуманитарного знания. Именно синтез частных методологий позволил автору выработать адекватную объекту методику исследования.

Особую ценность диссертации, с нашей точки зрения, придает метод структурированного интервью, как основной метод сбора материала. Именно исследовательское интервью позволяет получить доступ к опыту людей, к их переживаниям, к процессу порождения смыслов. Интервью позволяет включить информантов в процесс структурирования знания, позволяет работать с людьми, а не над людьми. В такой тонкой и часто болезненной для информантов (носителей языка) сфере как язык в миноритарной ситуации это особенно важно. Типы вопросов и структура интервью, приведенные в начале 2 главы диссертации представляются удачными и соответствующими целям и задачам исследования.

Выбранный автором **концептуальный аппарат** исследования представляется обоснованным и отвечающим целям и задачам работы. Основной инструментарий диссертации представлен такими теоретическими конструктами как этничность, диаспора, внутренняя диаспора, билингвизм, языковая лояльность.

Наиболее проблематичным, на наш взгляд, является термин «диаспора» и «внутренняя диаспора». Употребление словосочетания «внутренняя диаспора» в терминологическом значении весьма неустойчивое и спорное и, как представляется, нуждающееся в более глубокой разработке и уточнении. Однако мы признаем право автора на выбор наиболее оптимального, с его точки зрения, определения. В своей работе М.В. Куцаева приводит различные точки зрения на понимание феномена диаспоры и, в итоге, наиболее подходящим считает определение Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, в котором диаспоре могут быть приписаны следующие основные признаки: совокупность людей, единое этническое происхождение, проживание в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины, наличие собственных социальных институтов (с. 27). Как представляется, подобные определения диаспоры не слишком операциональны, поскольку не позволяют разграничить такие феномены как собственно диаспоры и экономическую миграцию, транснациональные общины, транстерриториальные общины и др. Отметим, что в тексте работы данное определение вступает в противоречие с иными пониманиями диаспоры, например, с дефиницией В.П. Иванова (с. 226). В качестве рекомендации можно было бы предложить автору провести

семантический номинации «диаспора», разграничив научный и публицистический дискурсы. Также, возможно, было бы полезно обратиться к работам зарубежных ученых, работы которых посвящены проблемам диаспоры (*M. Bruneau, R. Cohen, R. Marienstras, W. Safran* и др.). Однако, еще раз подчеркнем, что автор неставил целью дать строгую дефиницию термину «диаспора» и был безусловно вправе выбирать наиболее близкую ему точку зрения на понимание диаспоры.

Говоря о концептуальном аппарате исследования, хотелось бы сделать еще один комментарий, который касается понятия билингвизма. В тексте диссертации Марина Васильевна говорит о различных типах билингвизма, например, о пассивном и активном (с.45). Можно было бы посоветовать обратиться к работам *W. Mackay, J.F. Hamers, M. Blanc*, в которых различаются так называемые дополнительные и субстративные типы билингвизма. Последний тип был бы очень полезен для анализа и оценки языковой ситуации в условиях диаспоры. Все вышесказанное носит характер дискуссии.

В третьей главе большой раздел посвящен функциям языка в диаспоре. Специальная (четвертая) глава диссертации посвящена вопросу языковой лояльности носителей чувашского языка в московском регионе. В данных разделах обсуждаются не только вопросы, связанные собственно с функциями, лояльностью и отношением к языку, но и очень важные вопросы нормы языка, соотношения литературной формы и диалектов (с. 121, 122, 167 и др.), потребности в языке (115 и др.), фрустрации от потери языка (136), языковой неуверенности (75, 76, 113, 114 и др.), – то есть всех ключевых вопросов, связанных с описанием языка в миноритарной ситуации. Особую ценность выводам и наблюдениям докторанта придает богатейший иллюстративный материал, взятый из интервью.

Работа написана грамотно и очень логично. Ее структура полностью соответствует поставленным целям и задачам. Особо хочется отметить, что автор никогда не отступает от необходимой и заявленной в названии главы логики изложения. Весь дополнительный материал вынесен в Приложения, которые ценны сами по себе, особенно это касается Приложения 3 «Языки и религия», и необходимы для понимания основного текста диссертации.

Как таковых замечаний по работе нет. Возможно, все же стоило во Второй главе «Языковая биография респондентов» выстроить общие графики динамики использования языков в различных ситуациях по когортам.

Текст диссертации столь интересен и информативен, что открывает простор для размышлений. Например, было бы интересно специально посмотреть, как и в каком поколении коррелируют эффекты языковой политики и языкового строительства, например, показатели лояльности к языку, причем как пассивной, так и активной. В различных главах диссертации М.В. Куцаева приводит данные, касающиеся этого вопроса (с. 158, 180, 198 и др.). В целом, «позиции чувашского языка, а значит и его престижность, усиливается в младших возрастных когортах» (с. 198). Связано ли это с только фактором недавнего прибытия в московский регион, или же мы имеем дело с эффектами языковой мобилизации 90-х годов.

Также многие ответы респондентов в ходе интервью наводят на мысль, что причиной негативного отношения к чувашскому языку в когортах 40 – 80-летних носителей языка был отнюдь не сам язык и не этническая культура как таковая, а связанная с ним непрестижность деревенского образа жизни (с. 46, 72, 117 и др.). «Стеснение было не от самого языка. А от того разделения, на городские и деревенские... как-то они все равно были скованы. Если ты разговариваешь на чувашском, значит, ты из деревни. Хоть как ты ни оденься!» (с. 72). Возможно, что ситуация с чувашским языком по таким параметрам как норма, престижность, отношение к языку, языковая неуверенность сходна с ситуацией с диалектными формами русского языка. С той очень существенной разницей, что переход на русский литературный язык для носителей его диалектов был менее заметным и болезненным, поскольку затрагивал преимущественно социальное измерение, а не социальное и этническое.

В заключении необходимо сказать следующее. Работа М.В. Куцаевой представляет собой самостоятельное завершенное диссертационное исследование, актуальность выбранной темы не вызывает сомнений, методология и разработанная методика соответствует поставленным целям и задачам, анализ материала и представленные в работе выводы обоснованы. Диссертация написана логично и грамотно. Результаты данного исследования имеют безусловную теоретическую ценность и практическую значимость.

Диссертационное исследование М.В. Куцаевой полностью соответствует заявленным шифрам специальности: 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки) и 10.02.19 – (теория языка).

Автореферат диссертации отражает содержание работы. М.В. Куцаева имеет пять публикаций по теме диссертации, четыре из которых опубликованы в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК.

М.В. Куцаевой проявила себя как сложившийся исследователь в области лингвистики, и ее кандидатская диссертация «Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона» полностью отвечает пунктам 9, 10, 11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов России (урало-алтайские языки) и 10.02.19 – теория языка.

Официальный оппонент

Доцент кафедры общего и русского языкознания,

Доцент кафедры иностранных языков

Филологического факультета ФГАОУ ВО

«Российский университет дружбы народов»,

кандидат филологических наук

С.А. Москвичева

117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 10 корп. 2

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Факультет естественных и гуманитарных наук

Кафедра общего и русского языкознания

Электронный адрес: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Тел.: +7 (499) 936 85 73

Кафедра иностранных языков филологического факультета

Электронный адрес: kafedra_fl_rudn@mail.ru

Тел.: +7 (495) 434 20 12

Подпись доц. Москвичевой Светланы Алексеевны заверяю

уч. секр. Ученого совета РУДН

доктор ф.-м.н., проф.

В.М. Савчин